

**МАССОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА
И «ВСЕНАРОДНОЕ ОБСУЖДЕНИЕ»
СТАЛИНСКОЙ КОНСТИТУЦИИ В КОНЦЕПЦИИ
ОЛЬГИ ВЕЛИКАНОВОЙ**

Рец. на: Velikanova O. Mass Political Culture under Stalinism. Popular Discussion of the Soviet Constitution of 1936. – Denton : Palgrave Macmillan, 2018. – 260 p.

Михаил Шматов

Новосибирский государственный университет,
Новосибирск, Россия

**MASS POLITICAL CULTURE AND THE “NATIONAL
DISCUSSION” OF THE STALIN CONSTITUTION
IN THE CONCEPT OF OLGA VELIKANOVA***

Rev. of: Velikanova, O. (2018). Mass Political Culture under Stalinism. Popular Discussion of the Soviet Constitution of 1936. Denton, Palgrave Macmillan. 260 p.

Mikhail Shmatov

Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia

This review analyses a monograph by O. Velikanova, an American historian of Russian descent. The work focuses on the interaction of the Bolshevik authorities with the USSR's population during the most large-scale political campaign of the early Soviet era, the “national discussion” of the draft version of the Stalin Constitution in the second half of 1936. Special attention is paid to the author's method with various sources: from official legislation to classified document management, including several previously unpublished documents. The author aims to theoretically substantiate the existence of the phenomenon of mass political culture in the Soviet reality of the 1930s at the individual and group

---

* *Citation:* Shmatov, M. (2020). Mass Political Culture and the “National Discussion” of the Stalin Constitution in the Concept of Olga Velikanova. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 2. P. 678–691. DOI 10.15826/qr.2020.2.488.

Цитирование: Shmatov M. Mass Political Culture and the “National Discussion” of the Stalin Constitution in the Concept of Olga Velikanova // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 2. P. 678–691. DOI 10.15826/qr.2020.2.488 / Шматов М. Массовая политическая культура и «всенародное обсуждение» сталинской Конституции в концепции Ольги Великановой // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 2. С. 678–691. DOI 10.15826/qr.2020.2.488.

levels. Additionally, the author provides arguments illustrating the need to study the social perception of power practices during the mobilisation campaign by the civilian population and confirms the effectiveness of the results. Attention should be paid to the author's justification of the point of view about the early date (1933) of the start of the constitutional reform in the USSR. The author proves the thesis about the large-scale social conditions that arose as a result of the extreme events of the early 1930s. Velikanova explains the goals of the reform of the USSR constitution in the context of domestic and international realities of the mid-1930s and the relations of the supreme leadership of the Soviet Union with regional functionaries and mass groups of the population. The author's attention focuses on the causes and forms of perception of the campaign and the discourses in relation to the draft version of the Stalin Constitution. Velikanova analyses and explains both loyalist (conformist) and liberal (both conformist and protest) discourses, and the insufficiently studied positions of the part of the population which supported the reinforcement of the repressive anti-democratic policy of the authorities, concluding that the spread and influence of protective tendencies in society were sufficiently strong. The reviewer appreciates the author's contribution in the form of a detailed consideration of mass sources, although the method of working with them could be a subject for discussion. Finally, it is emphasised that, beyond any doubt, the author's position and conclusions are valuable for further interdisciplinary studies of the nature and evolution of Stalinism in the USSR.

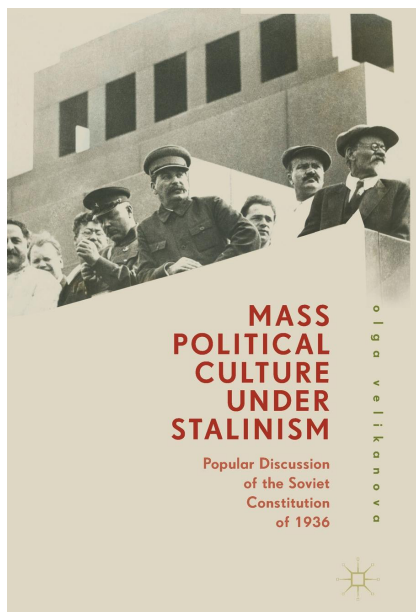
Keywords: Stalinism; 1936 Constitution; public opinion; political culture; reforms.

Анализируется монография американского историка российского происхождения О. Великановой. В работе осмыслиется взаимодействие большевистского руководства с населением СССР в процессе масштабной массовой политической кампании раннесоветской эпохи – «всенародного обсуждения» проекта «сталинской» Конституции во второй половине 1936 г. Особое внимание уделяется методике работы автора с разнообразными источниками: от официального законодательства до секретного делопроизводства, включая ряд ранее не публиковавшихся документов публичного, секретного и личного характера. Автор ставит задачу теоретического обоснования существования в советских реалиях 1930-х гг. феномена массовой политической культуры в его преломлении на индивидуальном и групповом уровнях, аргументирует необходимость и подтверждает результативность исследования социального восприятия гражданским населением властных практик в ходе мобилизационной кампании. Внимание заслуживает авторское обоснование точки зрения о ранних сроках начала конституционной реформы в СССР (1933 г.), доказывается тезис о масштабных социальных условиях для нее, возникших в результате экстремальных событий начала 1930-х гг. О. Великанова объясняет цели реформы Конституции СССР в контексте внутренних и международных реалий середины 1930-х гг., взаимоотношений верховного руководства Советского Союза с региональными функционерами, массовыми группами населения. Внимание автора сконцентрировано на при-

чинах и формах восприятия кампании, на существовавших в обществе дискурсах по отношению к проекту «сталинской» Конституции. Анализируются и объясняются как лоялистские (конформистские) и либеральные (как конформистские, так и протестные) дискурсы, так и недостаточно изученные историками позиции части населения в поддержку усиления репрессивной, антидемократической политики руководства; делается вывод о высокой степени распространения и влиянии охранительных тенденций в обществе. Заслуга автора, по мнению рецензента, состоит в детальном рассмотрении массовых источников, при этом методика работы с ними может быть предметом дискуссии. Сделан вывод о безусловной ценности позиций и выводов автора для дальнейших междисциплинарных исследований природы и эволюции сталинизма в СССР.

Ключевые слова: сталинизм; Конституция 1936 г.; общественное мнение; политическая культура; реформы.

Проблематика советского конституционализма 1930-х гг., взаимосвязи конституционной политики большевиков с социальными настроениями и ожиданиями советского населения в последние годы оказалась востребованной для переосмысления данной отечествен-

ной традиции в современности. Исследователи используют междисциплинарные методологические принципы, дающие возможность расширить проблемное поле изучения советской правовой системы и ее функционирования в реалиях сталинизма [Медушевский]. Особый интерес представляет анализ «всенародного обсуждения» проекта «сталинской» Конституции в контексте концепции социальной мобилизации, которая является важнейшей характеристикой сформировавшегося к середине 1930-х гг. в СССР политического режима [Арнаутов, Красильников, Кузнецов и др.]. Не менее значимой чертой советской партийно-государственной

системы стала охранительность, в рамках и под воздействием которой проходила массовая кампания по формально демократическому обсуждению конституционного проекта [Великанова, с. 27].

В числе новейших трудов, созданных в данной концептуальной парадигме, выделяется вышедшая в 2018 г. монография ныне работающего в США историка Ольги Великановой *Mass Political Culture under*

Stalinism. Popular Discussion of the Soviet Constitution of 1936 («Массовая политическая культура при сталинизме. Всенародное обсуждение советской Конституции 1936 г.»). В ней представлен анализ целей, интересов и специфики действий властных институций, с одной стороны, и индивидов и групп из числа советских граждан, с другой. Следует отметить оригинальность и дискуссионность названия – автор, известный специалист в области изучения массовых политических, экономических и социокультурных настроений и взглядов, позиционирует как исторический факт наличие в СССР 1930-х гг. массовой политической культуры. Примечателен выбор О. Великановой исторического контекста для изучения данного феномена – массовой политической кампании специфичного и даже нестандартного для советских реалий типа: обсуждения подчеркнуто демократичного конституционного проекта в условиях усиления и ужесточения тоталитарных, в том числе репрессивных практик большевистского руководства страны (р. 3–11)¹. В то же время существует точка зрения о неожиданном характере кампании не только для рядовых советских граждан, но и для функционеров партийной и советской власти, комсомольских, профсоюзных и иных общественных активистов [Шлэгель, с. 229]. Исследователь утверждает, что предпосылки для конституционной реформы (точнее, для «пересмотра или ревизии Конституции, действовавшей с 1924 г.») существовали с начала 1930-х гг., и возникли они в результате итогов «Великого перелома» (р. 30–31). Автор отстаивает мнение о готовности широких масс населения к преобразованиям и формированию «определенного запроса на реформы действующего законодательства» (р. 29–35). Оригинальность позиции исследователя создает потребность в детальном анализе основных положений монографии для понимания социальной природы большевизма в СССР, причин и сущности преобразований 1930-х гг. (пусть и кажущихся «косметическими»), а также для изучения права и реальных политических практик в начале нового витка массовых репрессий и предвоенной социальной мобилизации.

Подзаголовок работы очерчивает весьма сжатые хронологические рамки основной части исследования: несколько месяцев во второй половине 1936 г. В то же время автор не ограничивается рассмотрением событий собственно конституционной кампании. Для О. Великановой процедура «всенародного обсуждения» (мобилизационная и носящая характер стремительной и интенсивной кампании) является своего рода маркером различных паттернов массовой политической культуры. Дискуссионным является тезис о всенародном характере обсуждения проекта конституции, поскольку постулат о нем выступал в советском официальном нарративе очевидным идеологическим клише, которое используется автором без кавычек и, апеллируя к дей-

---

¹ Здесь и далее номера страниц рецензируемой книги приводятся в круглых скобках по изданию: [Velikanova].

ствительно имевшему место колоссальному масштабу вовлеченности граждан в ходе кампании, позиционируется как исторический факт.

Во введении автор формирует теоретический и терминологический фундамент исследования. Исторически оправданным видится тезис о «дрейфе» (*drift*) России в первые четыре десятилетия XX в. от демократических по своей природе и лозунгам революций (р. 15–16) к постреволюционному авторитаризму. О. Великанова полагает, что этот «дрейф» – следствие специфических настроений в социуме (автор аргументированно и последовательно использует дискуссионный применительно к советскому периоду термин «общество»² в значении объединения граждан, обладающих политической субъектностью), в первую очередь низкой и «брутальной» политической культуры в не завершившей модернизацию и не вышедшей из состояния Первой мировой войны России. Активное участие значительной части активных и зрелых граждан в политических событиях эпохи Первой мировой и Гражданской войн культивировало специфическую, тесно связанную с насилием и подавлением модель поведения и мировоззрения. Формирование таких антидемократических позиций автор именуется «оборотной стороной» (*backside*) 1917–1921 гг.» (р. 5). Однако проведенные автором параллели между ситуацией в Советской России и СССР в 1917–1936 гг. и политической эволюцией ряда стран СНГ, Ближнего Востока и Латинской Америки на рубеже XX–XXI вв. выглядят несколько тенденциозно и искусственно (р. 2–4).

О. Великанова осуществляет достаточно емкий обзор эволюции российского/советского конституционализма с 1906 по 1977 г., акцентируя затем внимание на дискуссии в социальных науках о значении и границах применения термина «политическая культура» (р. 26–27). Автор понимает ее как совокупность установившихся и принимаемых гражданами идей и практики действия в политической среде, что является частью советских реалий. Так, исследователь аргументирует наличие политической культуры в СССР массовым участием нескольких поколений жителей страны в коренных преобразованиях государственного строя и социально-экономического уклада в ходе нескольких революций и войн, а также в совсем недавних (по отношению к 1936 г.) событиях сталинской «революции сверху» на рубеже 1920–1930-х гг. (р. 20–25). Вызывают сомнения

---

² Ряд исследователей, преимущественно представителей «тоталитарного» направления советологии, полагают, что говорить о «советском обществе» не представляется возможным – речь в их трудах идет о «социуме» или «населении СССР». Учитывая продолжающуюся терминологическую дискуссию, мы предлагаем использовать по отношению к сообществу советских граждан термин «советский социум». В то же время применение термина «граждане» применительно к советским людям, вовлеченным в кампанию, оправдано с формально-юридической позиции второй половины 1930-х гг., однако сопряжено с рядом проблемных вопросов: например, о том, можно ли относить к одной и той же категории советских граждан – жителей города и сельской местности (как это делала советская пропаганда с момента прихода большевиков к власти), если последние на момент проведения кампании и много позднее не обладали паспортами?

безапелляционные ссылки О. Великановой на труды М. Левина, А. Гетти и других признанных специалистов по социальной истории СССР (р. 5–7), ряд позиций которых относительно действительного влияния групп советского социума на действия власти являются по меньшей мере дискуссионными, поскольку очевидно верный тезис о высоком уровне мобильности советского населения (как горизонтальной, так и вертикальной) лишь косвенно может свидетельствовать о формировании массовой политической культуры среди граждан, охваченных этой мобильностью (не всегда приводившей к политическим «высотам»). Однако автору нельзя отказать в четкой аргументации терминологического и методологического аппарата работы, присущей и другому труду О. Великановой, посвященному общественным настроениям в советском обществе 1920-х гг., – «Разочарованные мечтатели» [Великанова]. В сущности, рассматриваемая нами работа – логическое продолжение комплексного труда автора по изучению специфического междисциплинарного феномена восприятия индивидами и группами политических событий в СССР. Граждане Советского Союза в силу мобилизационного характера проводимых руководством страны мероприятий вне зависимости от их направленности неизбежно и зачастую вопреки собственной воле оказывались вовлеченными в них.

Источниковая база исследования представлена качественно классифицированным и проанализированным автором корпусом источников различной типовидовой принадлежности (р. 15–20). Совершенно оправдано использование официальных законодательных и массово-публицистических источников (советского законодательства, периодики, печатных и визуальных агитационно-пропагандистских материалов) в совокупности с делопроизводством, включая секретные сводки ЦК ВКП(б), ЦИК СССР, ВЦИК, Постоянной Центральной комиссии по вопросам культа при ВЦИК, а также карательных органов. Из последней группы документов О. Великанова отдает предпочтение сводкам НКВД, и в меньшей степени – органов суда и прокуратуры.

Автор справедливо отмечает тенденциозность этих источников, однако спорным остается вопрос характера и масштабов искажений и фальсификации секретных материалов (р. 16–17). На наш взгляд, секретное непубличное делопроизводство в рамках массовых политических кампаний служило целям своего рода «социологических замеров» массовых взглядов – восприятия гражданами действий власти. Поэтому при безусловном наличии у различного рода функционеров карьеристской и иной заинтересованности в преувеличении масштабов недовольства (об этом пишет О. Великанова) в целом задачей таких сводок было как можно более тщательное фиксирование картины массовых умонастроений. Наличие же в ходе кампании различных ведомственных каналов сбора информации уже тем самым повышает потенциал такого рода источников и их ценность.

Конструктивно обращение автора к специфическим источникам – сводкам разведывательных и дипломатических органов ряда западных государств (США, Великобритании, Норвегии, Финляндии и др.) о ситуации в СССР (р. 18). Опыт работы с такого рода материалами позволяет понять не только степень осведомленности иностранных чиновников о реальном положении вещей в советском социуме, но и характер преломления политических реалий Советского Союза в сознании иностранцев, что важно для понимания международной значимости конституционной кампании 1936 г.

Вполне оправдано и использование эго-документов, целого корпуса источников личного происхождения (р. 20): от конъюнктурных, преследующих зачастую не только идейные, но и прагматические цели «писем во власть» и партийных автобиографий до личных дневников и мемуаров, включая интервью эмигрантов из СССР, полученные в рамках проекта Гарвардского университета по изучению советской социальной системы в 1950–1951 гг. (р. 20–21). В качестве критики данной группы источников следует отметить временной разрыв, специфический тип отношения эмигрантов к советскому строю и собственному опыту существования в его условиях, а также тенденциозность самого проекта, реализуемого в ситуации «маккартизма» в США. По степени тенденциозности такие интервью можно сопоставить с идентичными по формату проектами об истории фабрик и заводов или сбору воспоминаний о революции и Гражданской войне при участии ведущих советских писателей и журналистов под эгидой М. Горького в 1930-е гг.

Завершая обзор источников и представляемых ими исследовательских возможностей, О. Великанова делает совершенно справедливое заключение о различиях терминов «общественное мнение» (*public opinion*) и «общее/общепринятое мнение» (*popular opinion*) и подчеркивает, что в политических реалиях СССР общественное мнение как таковое не сформировалось; это не мешает судить о наличии мнения общепринятого, то есть индивидуальных, но носящих массовый характер позиций по ряду актуальных государственных и общественных вопросов (р. 23), что подтверждает существование в стране массовой политической культуры (р. 5, 7, 22).

Монография структурно разделяется на две части: «Правительственные цели пересмотра Конституции и национальной дискуссии» (часть 1) и «Народное восприятие Конституции» (часть 2). Каждая из частей состоит из тематических глав, посвященных отдельной проблеме конституционного строительства как для советского руководства, так и для разных групп советского населения.

Оригинальна авторская точка зрения о первых шагах к конституционной реформе: она основывается на документе от 25 мая 1933 г., выявленном в 2010 г. О. В. Хлевнюком, – записке секретаря ЦИК СССР А. С. Енукидзе в ЦК ВКП(б) о необходимости изменений в избирательном законодательстве (р. 29). Эти изменения планировалось

внести до электорального цикла 1934 г., то есть до очередных общесоюзных выборов в советы. Отталкиваясь от этого факта, О. Великанова высказывает мнение о длительном характере приготовлений к конституционной реформе, необходимость которой была вызвана кажущейся незавершенностью потенциальной электоральной реформы (р. 34). О. Великанова утверждает, что «с мая 1933 г. по 1934 г. идея изменений в избирательном законе не имела продвижения» (ibid.). Автор сообщает о попытках А. С. Енукидзе инициировать избирательную реформу на XVII Съезде ВКП(б) в январе 1934 г., где он «повторил свои оценки изменений ситуации в деревне», и в мае 1934 г., когда советский деятель подготовил «детальный план нового избирательного закона», после чего к 1935 г. возникло осознание необходимости более глубоких изменений законодательства. Кроме того, О. Великанова аргументирует осознанную представителями высшего партийно-государственного руководства необходимость реформ структурными трансформациями в советском социуме, а именно «стиранием границ» между рабочим классом и крестьянством «после реализации политики индустриализации и особенно коллективизации и “раскулачивания” в ходе первой пятилетки (1928–1932 гг.)» (р. 30–32). Автор подчеркивает осознание потребности в новой Конституции И. В. Сталиным и его окружением: «3 марта 1935 г. Политбюро сместило Енукидзе с поста секретаря ЦИК... несмотря на это, он остался членом Конституционной комиссии, коим был избран 8 февраля 1935 года» (р. 29).

Авторский тезис о влиянии социальных изменений на реформы конституционного законодательства СССР достаточно спорный. С одной стороны, «Великий перелом» действительно привел к колоссальной, катастрофической ломке прежней социальной структуры, выражавшейся в том числе в «чистках» интеллигенции и бюрократического аппарата, в их тотальной лоялизации, и в особенности в фактическом разрушении крестьянства как социальной общности. Не случайно современные историки характеризуют коллективизацию как процесс раскрестьянивания – превращения крестьян в носителей иного статуса: сельскохозяйственных работников, занятых обязательным трудом в интересах государства [Красильников]. В этом смысле можно говорить о статусной унификации пролетариата и колхозников. Однако руководство СССР (судя по его практическим шагам) осознало произошедшие социальные трансформации лишь к середине 1930-х гг.: только в 1935–1936 гг. стабилизировался правовой статус колхозов и их жителей, де-юре был отменен статус лишенных избирательных прав («лишенцев»), и лишь Конституция СССР 1936 г. окончательно уравнила городских и сельских жителей в избирательных правах (р. 50). В то же время нельзя отрицать убедительность, с которой О. Великанова критикует точку зрения о спонтанности конституционной реформы (р. 29–32) – она, по мнению ряда авторов, началась «волевым решением И. В. Сталина» лишь

7 февраля 1935 г. созданием Конституционной комиссии ЦИК СССР во главе с «вождем».

В монографии поднимается важная проблема политических и социально-экономических условий, в которых подготавливалось «все-народное обсуждение». В начале главы, посвященной данной проблеме, О. Великанова ссылается на сформулированную в середине 1940-х гг. историческую концепцию американского социолога русского происхождения Н. С. Тимашева о «великом отступлении» советского руководства от революционных идеалов в пользу строительства «нормального» национального государства с 1934 г. (р. 37). Примечательным является факт анализа применимости этой концепции к реалиям эпохи в историческом труде. В большинстве работ историков о концепции Н. С. Тимашева, популярной среди философов, юристов и социологов, упоминается лишь вскользь.

О. Великанова подробно рассматривает шаги, предпринятые И. В. Сталиным и Политбюро в политико-правовой сфере, называя их проявлениями «относительной сдержанности» (*relative moderation*) в политике (р. 38). Исследователь полемизирует с мнением, что эта «сдержанность» была «осознанной политикой» (*conscious policy*), отмечая, что к преобразованиям руководство «подталкивали кризисные явления», а общая политика большевиков «продолжала включать в себя репрессии» (р. 38). К числу шагов в «русле сдержанности» автор справедливо относит мероприятия по конституированию, юридическому закреплению возникших в результате «Великого перелома» реалий, что было совершенно необходимо хотя бы для относительного смягчения колоссальной социальной напряженности, характерной для первой половины 1930-х гг. (р. 39–41).

Внимания заслуживает комплексное освещение причин конституционной реформы, делавших ее необходимой для власти. Они справедливо разделены на международные (р. 49), идеологические (р. 52) и внутренние (р. 62). Первые две причины указаны верно, и их можно назвать общепринятыми: это необходимость демонстрации демократического характера советского строя для обеспечения идеи создания системы коллективной безопасности в Европе, моральная поддержка левых политических и рабочих движений стран Запада, демонстрация «достижений социализма», юридическое «подтверждение» этих достижений, правовая фиксация бесклассового общества, о котором Сталин неоднократно говорил в интервью иностранным корреспондентам и на партийно-государственных мероприятиях [см.: Сталин, т. 13].

Особого внимания заслуживает авторский взгляд на внутренние причины, к числу которых относится необходимость расширения социальной базы режима за счет демонстрации его «демократизма» (р. 63). При этом автор увязывает расширение социальной базы с мобилизацией аппарата функционеров, сопровождавшейся жесткими масштабными репрессиями против них. Такая позиция известна в науке и достаточно глубоко разработана в трудах ряда

историков-ревизионистов [Гетти, с. 94], однако продолжают дискуссии в кругу специалистов относительно возможных заигрываний верховного руководства СССР с «массами» в 1936–1937 гг. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. демонстрируют обеспокоенность и растерянность региональных партийно-государственных руководителей в связи с принятием «демократической» Конституции и перспективой открытых конкурентных выборов в декабре 1937 г. [Шлёгел, с. 228]. При этом большинство жертв «Большого террора» пришлось на непартийные «массы», а сущность режима и его практики не претерпели изменений. Так или иначе, вопрос о конституционной реформе как средстве усиления легитимности сталинского персоналистского режима в СССР и за его пределами остается нерешенным вопреки аргументации О. Великановой, которую она подкрепляет результатами исследований историков социально-политических отношений в СССР А. Гетти, Д. Бранденбергера и др. (р. 52–55). Автор задается вопросом: «Являлось ли лозунговое провозглашение (*motto proclamation*) построения социализма лишь маркетинговым ходом (руководства СССР. – М. III.)?» (р. 55). Далее О. Великанова, опираясь на теоретические рассуждения К. Маркса и В. И. Ленина, доказывает, что в марксистском мировоззрении реалии, сложившиеся к середине 1930-х гг. в СССР, для значительной части «марксистов и веривших пропаганде граждан» вполне могли служить доказательством построения социализма в стране: это отсутствие рынка, кажущееся уничтожение эксплуататорских классов, значительная унификация социума, активная интеграция технических достижений в народное хозяйство в сравнении с предшествовавшими десятилетиями (р. 55–57).

Важным и своего рода переходным элементом работы является глава о социально-политической мобилизации в СССР, в которой рассматриваются механизмы кампаний по изучению массовых настроений. Положение местных функционеров в рамках этих кампаний автор метко и аргументированно характеризует выражением «между молотом и наковальней» (*between a rock and a hard place*) (р. 74). О. Великанова отмечает взаимное давление на аппарат местных функционеров – как вышестоящих институций партии и советов, так и местного населения, охваченного социальной напряженностью и при этом обладающего значительным уровнем политической субъектности и культуры, проявляющейся в «критике с официальных позиций» или «письмах во власть» или в прессу. Эта позиция характерна для ревизионистского направления в историографии, опирающегося во многом на методы социологии, психологии и социальной конфликтологии и рассматривающего советский социум как источник политической поддержки большевистского режима (равно как и конфликтов вокруг него и его политики). Таким образом, О. Великанова доказывает субъектность обеих сторон взаимодействия «власть – общество» в процессе политической кампании. Именно

поэтому руководству страны было важно придать видимость всенародности принятия решения по вопросам конституционной реформы (р. 99). Данная позиция верна и подтверждается формально демократическим, но фактически директивно-мобилизационным характером других кампаний второй половины 1930-х гг. – от обсуждения новых законов до принятия решений о закрытии церквей и молитвенных домов в 1937–1939 гг. [Одинцов, с. 215].

Вторую часть книги О. Великанова начинает с обзора экономических условий, в которых находились советские массы рядовых граждан (*grassroots*) в период кампаний (р. 111–113). Этот обзор позволяет понять, насколько далеко было сознание абсолютного большинства советских людей от политических перипетий в условиях повседневной необходимости в выживании и обеспечении минимального набора потребностей, лежащих в самом основании «пирамиды Маслоу». Автор верно устанавливает взаимосвязь экономических реалий с политическими образами и ожиданиями – особенность политической жизни в СССР привела к политизации абсолютного большинства выносимых на публичное обсуждение вопросов, что закономерно порождало у целого ряда граждан ожидания улучшения их материального (и правового – у «лишенцев») положения в результате изменений в Конституции (р. 114). Эта деталь важна для общего понимания восприятия разгоревшейся летом и осенью 1936 г. дискуссии о новом основном законе страны; этим объясняется внимание рядовых граждан к, казалось бы, несущественным для текста Конституции деталям (размеру оплаты труда, организации работы в колхозах и на заводах и т. д.) [ГАНУ. Сводки всенародного обсуждения проекта Конституции в Западно-Сибирском крае. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 2993. Л. 2–5]. В то же время тяжелое экономическое положение в зависимости от психологических и поведенческих особенностей граждан могло служить причиной как их радикального поведения (отчаянных протестов), так и провластного активизма (желания обратить на себя внимание, стать «своим» для власти) или конформизма («главное – выжить»).

В следующих главах с помощью анализа обширного корпуса источников выявляется несколько генеральных форм восприятия гражданами конституционной кампании: «либеральный дискурс» (р. 123), «голоса против свобод» (р. 163) и «иные комментарии и рекомендации» (р. 205). Автор тщательно фиксирует и предпринимает попытку объяснить плюралистичные, зачастую полярные точки зрения граждан по комплексу политических вопросов, которые в массовом сознании актуализировала кампания. Отмечается, что многие граждане восприняли конституционный проект в качестве свидетельства грядущей демократизации как по причине доверия к большевикам, так и под впечатлением от их кажущейся слабости и готовности к уступкам, к «отступлению», которое на деле оказалось их «великим маневром» (р. 137).

Заслугой автора является научная разработка антидемократического дискурса, который О. Великанова (возможно, гиперболизируя) считает одной из важнейших черт общепринятых взглядов 1930-х гг. (р. 165), сформировавшихся в жестоких условиях начала десятилетия. Сюда относятся и предвоенный алармизм и милитаризм (развитие идей, образов и опасений «военных тревог» 1923 и 1927 гг., но с более выгодным результатом в массовом сознании), и антирелигиозные и антицерковные настроения, в которых во многом проявился межпоколенческий конфликт религиозности старших и воинствующего «научного атеизма» молодежи (р. 171–179). Более того, О. Великанова отмечает масштабный уровень конфликтности и нетерпимости в советском обществе, причем навязанных не только конфронтационной советской пропагандой, но и все тем же тяжелым положением граждан, ненавидевших теперь не только «чужих» или «классовых врагов», но и бюрократов, «вредителей» и даже более удачливых коллег-стахановцев (р. 187–189). Отметим, что власть систематически использовала это недовольство в качестве «защитного клапана» для сброса массового недовольства в безопасные для себя сферы социальных отношений. К «иным» формам восприятия автор относит весьма многочисленные выражения недоверия к будущему закону (р. 212) или предложения по преобразованиям в неполитических сферах (р. 205).

Констатируя громадный объем и значимость работы, проделанной автором с массовыми источниками со всего Советского Союза, обозначим узловую проблему их интерпретации: в рассматриваемый период участниками кампаний письменно фиксировалось лишь публичное (реже – в эго-документах – личное) выражение восприятия событий. Большинство же граждан в ходе массовых мероприятий хранили молчание – их поведение конформно и практически не поддается измерению и анализу. Кроме того, публичные высказывания невозможно точно оценить с точки зрения искренности, даже если допустить абсолютную точность их фиксации (что тоже неочевидно). В этом, пожалуй, заключается одно из наиболее уязвимых для критики мест направления исторической науки, изучающего массовое восприятие событий, ярким приверженцем которого является О. Великанова.

В заключении автор подтверждает существование развитой корпоративной (среди функционеров власти) и массовой (в городах и сельской местности) «политической культуры в СССР с сильно ощущаемым отпечатком сталинизма» (р. 246). При этом автор отмечает, что период «восстановления сил» (*relaxation*) в политической жизни страны в 1936 г. оказался фикцией и сменился террором (р. 221–227). На наш взгляд, этот тезис справедлив – ряд исследователей доказывают прямую связь между репрессиями и квазидемократическими и управляемыми партией, комсомолом, профсоюзами акциями, служившими, по сути, лишь средствами сопровождения и оправдания

террора против аппаратчиков и специалистов [Шлёгель, с. 521–525]. Позволив себе некоторую игру слов, отметим: *relaxation* в значении «отдых» (для советского социума) оказалась лишь «восстановлением сил» для политического руководства, сущностно не изменившего мобилизационно-охранительный курс.

Монография О. Великановой дает исчерпывающий в рамках авторской концепции ответ на вопрос о сочетании и диссонансе политических целей большевистского руководства и групп рядовых граждан СССР в мобилизационной, по сути экстремальной обстановке массовой кампании «всенародного обсуждения» Конституции. Кажущаяся всенародной, Конституция, принятая 5 декабря 1936 г., оказалась вне всяких сомнений «сталинской» в том смысле, что отвечала интересам власти, которые, однако, во многом формировались под бесспорно ощутимым социальным давлением снизу. Ценность труда О. Великановой состоит в удачной попытке исследовать крайне противоречивый симбиоз конфликтных и консолидационных сторон потенциала раннесоветского социума в период и в ситуации всеохватной политической мобилизации 1936 г.

Список литературы

Арнаутов Н. Б., Красильников С. А., Кузнецов И. С. [и др.]. Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.). М. : Полит. энцикл., 2018. 591 с.

Великанова О. В. Разочарованные мечтатели : Советское общество 1920-х гг. М. : Полит. энцикл., 2017. 295 с.

ГАНО. Сводки всенародного обсуждения проекта Конституции в Западно-Сибирском крае. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 2993.

Гетти А. Практика сталинизма : Большевики, бояре и неумирающая традиция. М. : Полит. энцикл., 2016. 374 с.

Красильников С. А. Серп и молот : Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М. : РОССПЭН, 2003. 288 с.

Медушевский А. Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М. ; СПб. : Центр гуманитар. инициатив, 2017. 656 с.

Одинцов М. И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М. : Полит. энцикл., 2014. 424 с.

Сталин И. В. Сочинения. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1951. Т. 13. X + 423 с.

Шлёгель К. Террор и мечта. Москва 1937. М. : РОССПЭН : Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. 742 с.

Velikanova O. Mass Political Culture under Stalinism. Popular Discussion of the Soviet Constitution of 1936. Denton : Palgrave Macmillan, 2018. 260 p.

References

Arnautov, N. B., Krasil'nikov, S. A., Kuznetsov, I. S., et al. (2018). *Sotsial'naya mobilizatsia v stalinskom obshchestve (konets 1920-kh – 1930-e gg.)* [Social Mobilisation in Stalin's Society (Late 1920s – 1930s)]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 591 p.

GANO [State Archive of Novosibirsk Region]. Stock R-47. List 1. Doc. 2993.

Getti, A. (2016). *Praktika stalinizma: Bol'sheviki, boyare i neumirayushchaya traditsiya* [Practicing Stalinism: Bolsheviks, Boyars, and the Persistence of Tradition]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 374 p.

Krasil'nikov, S. A. (2003). *Serp i Molokh. Krest'yanskaya ssylka v Zapadnoi Sibiri v 1930-e gody* [The Sickle and Moloch. Peasant Exile in Western Siberia in the 1930s]. Moscow. ROSSPEN. 288 p.

Medushevskii, A. N. (2017). *Politicheskaya istoria russkoi revolyutsii: normy, instituty, formy sotsial'noi mobilizatsii v XX veke* [The Political History of the Russian Revolution: Norms, Institutes, and Forms of Social Mobilisation in the 20th Century]. Moscow, St Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 656 p.

Odintsov, M. I. (2014). *Russkaya pravoslavnaya tserkov' nakanune i v epokhu stalinskogo sotsializma. 1917–1953* [The Russian Orthodox Church during the Stalin Era. 1917–1953]. Moscow, ROSSPEN. 424 p.

Schlögel, K. (2011). *Terror i mechta. Moskva 1937* [Terror and the Dream. Moscow 1937]. Moscow, ROSSPEN, Fond “Prezidentskii tsentr B. N. El'tsina”. 742 p.

Stalin, I. V. (1951). *Sochineniya* [Works]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. Vol. 13. X + 423 p.

Velikanova, O. (2018). *Mass Political Culture under Stalinism. Popular Discussion of the Soviet Constitution of 1936*. Denton, Palgrave Macmillan. 260 p.

Velikanova, O. V. (2017). *Razocharovannye mechtateli: Sovetskoe obshchestvo 1920-kh gg.* [Frustrated Dreamers: Soviet Society of the 1920s]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 295 p.

The article was submitted on 31.07.2019